Ярослав КУЗЬМИНОВ

Теоретическая экономическая культура в современной России

Экономическую культуру можно определить как совокупность институционализированных способов деятельности, которыми конкретные общества, группы и индивиды адаптируются к экономическим условиям своего существования. Она состоит из поведенческих стереотипов и экономических знаний (в их ценностном и инструментальном аспектах).

Если внимательно проанализировать строение «советской» экономической культуры, то можно заметить важную особенность: ее "верхние" основные блоки слабо связаны между собой. Экономическая культура лиц, принимающих решения, и практических специалистов фактически не обобщается теоретической экономической культурой, а последняя, в свою очередь, не оказывает сколько-нибудь определяющего влияния на культуру занятых в настоящей экономике. Другими словами, отечественная экономическая теория традиционно сильнее, чем в других странах оторвана от экономической практики.

Вместе с тем массовое сознание образует их общую основу и в том смысле, что члены практического и академического сообществ выступают его носителями на бытовом уровне, в свою очередь подвергаясь воздействию культуры иного уровня. Столкновение практической и теоретической культур периодически порождало и порождает специфические для советского массового сознания явления «двойной морали», когда теоретическая экономическая культура транслирует в массовое экономическое сознание в основном прокламируемые официальные ценности, а экономическая культура практиков — практические на.-выки экономического поведения.

Теоретическая экономическая культура формируется и поддерживается научным сообществом и системой преподавания. Она включает следующие группы дисциплин: общую и прикладную экономическую науку; хозяйственное и гражданское право; основные разделы социологии и социальной психологии. В данной статье я ограничусь рассмотрением первой группы.

В конце 1980-х годов в СССР насчитывалось 110 тыс. научных работников-экономистов, что составляло 7,6% от общего числа научных работников в стране. В это число вошли сотрудники исследовательских институтов, принадлежащих академиям наук и правительствам Союза и республик; сотрудники отраслевых экономических институтов, ранее принадлежавших министерствам, а в последние годы в значительной

Кузьминов Я. И.— кандидат экономических наук, заведующий сектором Института экономики РАИ. Специалист в области истории экономических учений.

степени ставших независимыми; научные сотрудники высших учебных заведений[1], сотрудники экономических лабораторий крупных предприятий. Сегодня можно сказать, что бывшие советские исследователи-экономисты переживают кризис, связанный с переходом от ортодоксальной марксистской теории, имеющей в основном идеологическое содержание, к социально продуктивной теории, отвечающей на конкретные вопросы общества. При этом существует различный по глубине кризис в общей теории и в прикладной экономической науке.

В области общей теории разрыв между советской и мировой экономической наукой имеет принципиальный характер. В СССР в течение 70 лет под общей теорией подразумевалась почти исключительно политическая экономия [2]. Сложившаяся в результате сложного взаимодействия канонических текстов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, «программных» решений КПСС и их дополнения со стороны политэкономов-комментаторов, советская политическая экономия имела лишь облик научной теории. Во-первых, у нее не было нормальной фактологической базы, ее связь с действительностью носила условный характер (факты использовались только в качестве иллюстраций, а доступная официальная статистика состояла из достаточно ограниченного круга фальсифицированных показателей). Во-вторых, руководящие социальные группы с самого начала ставили перед наукой чисто идеологические задачи. Политэкономия должна была доказывать преимущества социализма перед капитализмом, оправдывать и обосновывать формулируемую без ее участия экономическую политику. Поэтому не имеет смысла говорить о кризисе ее как научной теории: скорее, мы имеем дело с *кризисом научного сообщества,* постепенно пришедшего к мысли, что объединявшая его теория таковой не является.

В первые годы «перестройки» (до 1989 года) советское руководство и все общество еще не осознали полного краха своей экономической науки: напротив, на нее возлагались большие надежды. Научному сообществу ничего не оставалось, кроме попыток объяснить действительность, пользуясь наличным теоретическим аппаратом. Это вело к смешным и заведомо бесплодным попыткам создания, например, теории рынка, пригодной для использования его агентами исключительно на базе трудовой теории стоимости. Это было не просто изобретение деревянного велосипеда, но деревянного велосипеда с квадратными колесами.

Сегодняшнее состояние нашей экономической науки представляет собой как бы реакцию на предшествующее схоластическое теоретизирование: подавляющее большинство исследователей не используют ни старого, ни нового (западного) теоретического аппарата в виде абстрактных, общих законов и категорий, не говоря уже о попытках их систематизации. Но поскольку теория без аппарата существовать не может, на роль категорий выдвигаются понятия, заимствованные из «обыденной жизни». Как правило, это формы действующего хозяйственного механизма (себестоимость, рентабельность, валовая продукция и т. п.) и наиболее общие категориальные понятия, разработанные мировой экономической мыслью. Но последние берутся вне определений, вне

[1] К последним можно добавить около 10 тыс. преподавателей высшей школы, в той или иной степени вовлеченных в научную работу.

[2] Единственным исключением можно признать школу СОФЭ — систему оптимального функционирования экономики,—сложившуюся в 1960-х годах в Центральном экономико-математическом институте АН СССР. От официальной политэкономии СОФЭ отделяло не только использование эконометрии и теории предельной полезности (что, в свою очередь, предполагало использование статистических данных), но в первую очередь прагматическая направленность. К сожалению, на уровне метаэкономических представлений теоретики СОФЭ (Н. Федоренко, С. Шаталин, Н. Петраков) исходили из общей с политической экономией парадигмы централизованно-планируемой командной экономики.

точного контекста, разработанного усилиями многих научных школ, так сказать, на приблизительном уровне. Научное сообщество находится фактически на *дотеоретическом уровне зарождения экономического анализа.* Если проводить аналогию с историей экономической мысли Запада, то можно сказать, что мы опустились во времена меркантилистов и У. Петти.

Это создает проблемы для общения с мировой наукой: большинство докладов наших исследователей, представляемых на международные конференции и семинары, вызывают интерес только как первичное обобщение свежего эмпирического материала. Теоретические концепции практически не выдвигаются.

Кризис нашего академического сообщества отражается и в резком спаде интереса к академическим публикациям. Даже ведущие журналы испытывают трудности с редакционным портфелем. Интерес (как авторов, так и читателей) переместился на текущие публикации (как правило, прагматического либо постановочного характера) в еженедельных и ежедневных газетах. Это тем более показательно, что в условиях очень ограниченного количества академических изданий (не более 10 профессиональных журналов для экономистов) еще несколько лет назад любая академическая публикация считалась возможностью, которую нельзя упускать.

Перед экономической наукой стоят и институциональные проблемы:

— большинство научных работников сосредоточено в огромных исследовательских институтах, организованных по принципу «научной фабрики», где каждая гипотеза, как правило, обезличивается в процессе ее разработки и обоснования. Сегодняшняя эффективность работы таких институтов не высока. Оплата труда научных сотрудников в целом очень низка (имеет, скорее, символический характер) и определяется в основном занимаемой должностью и выслугой лет;

— все еще существуют препятствия для общения, выходящего за рамки персональных контактов и существующих организационных структур (институтов и университетов). Немногочисленные ассоциации исследователей имеют по преимуществу фиктивный характер, являясь теплым местечком для неизвестных чиновников (примером может служить Экономическое общество). Научная общественность практически лишена возможности влиять на организационные формы и финансирование своей работы помимо выступлений в открытой печати и обращений к руководству. Ясно, что вышеуказанные методы неудовлетворительны, так как не обеспечивают необходимой конкретности и легитимности решений;

— по-прежнему слабы связи с мировым научным сообществом. В настоящее время лишь две группы российских ученых вовлечены в интенсивные международные контакты: это администраторы и молодце исследователи, ориентированные на получение международных грантов. Научного обмена как такового (если понимать под ним контакты исследователей, направленные на обсуждение или совместную разработку концепций) не происходит;

— слабы связи академических институтов с университетами и экономическими вузами. Нам присуща «прусская» система организации науки, ее жесткое отделение от преподавания. Несмотря на предпринимавшиеся в последние 10 лет усилия по налаживанию контактов академической науки с высшей школой, преподают в вузах не более 10% сотрудников РАН.

Собственно академические проблемы связаны с инфраструктурой научных исследований и кадровыми трудностями. К ним можно отнести:

— отсутствие адекватной статистической и социологической базы для теоретического анализа. Переход к эмпирическим исследованиям на-

талкивается в большинстве научных учреждений на трудности в виде отсутствия достаточной информации, на слабое владение инструментарием ее обработки и использования;

— крайняя убогость технической оснащенности фундаментальной науки [3];

— низкий уровень информационной базы (нехватка валюты привела к резкому сокращению приобретения зарубежной научной литературы, а нехватка бумаги и неудовлетворительное состояние полиграфии — к практически полному прекращению выпуска отечественной научной литературы);

— слабое владение иностранными языками (прежде всего английским) членов академического сообщества. По моей оценке, не более 10% коллег регулярно используют в своей работе иностранную научную литературу и не более *5%* пытаются писать по-английски;

— массовый отток квалифицированных кадров в коммерческую сферу;

— отсутствие достаточных знаний мировой экономической теории либо полное незнакомство с ней. Доля научных работников, владеющих хотя бы на уровне основ мировой экономической теорией в рамках своей собственной специализации, составляет в системе РАН не более 15—20%. И она имеет тенденцию к снижению;

— формальность системы подготовки и государственной аттестации исследователей высшей квалификации. Контроль за работой аспирантов практически отсутствует, их вовлеченность в академическое сообщество зависит от случайных факторов. К диссертациям предъявляются различные требования в зависимости от уровня ученого совета. Между тем присуждаемые степени унифицированы на государственном уровне и формально присуждаются не университетом или исследовательским институтом, а бюрократическим надзорным органом — Высшей аттестационной комиссией.

Прикладная экономическая наука в целом находится в лучшем положении, чем наука академическая, фундаментальная, как со стороны финансирования, так и с точки зрения отбора и закрепления квалифицированных кадров. Ученые-прикладники еще до перестройки нашли возможности зарабатывать деньги, организуясь в небольшие эффективно действующие коллективы, специализировавшиеся на решении прикладных задач по заказам предприятий и организаций. В рамках такой работы был накоплен значительный опыт микроэкономического исследования предприятий в условиях меняющегося хозяйственного механизма.

Определяющей для развития отечественной прикладной науки является тенденция к коммерциализации, проявляющаяся как на уровне новых исследовательских групп, так и традиционных институтов. На основе хозяйственных договоров групп и временных творческих коллективов в последние годы образовалось значительное количество небольших частных консалтинговых и информационных предприятий.

Вместе с тем и в этой сфере наблюдается уход от теории, неумение и нежелание использовать и адаптировать к отечественным условиям западную прикладную экономику. Привилегированное положение многих групп связано, как правило, не с качеством исследований, а с гарантированным доступом к свежей экономической информации. Во многих таких коллективах участвуют государственные чиновники, продавая особый вид ноу-хау — недоступные прочим нормативные документы.

---

[3] Например, в Институте экономики РАН, где я работаю, на 400 научных сотрудников имеется 13 персональных компьютеров, среди которых нет ни одного пригодного для использования стандартных расчетных программ, отсутствует электронная почта, не говоря уже об использовании информационных сетей, банков данных и т. д.

Пути выхода из тупика

Ясно, что в настоящее время ресурсы, которыми располагает Россия, явно не достаточны для того, чтобы переломить или даже затормозить указанные негативные тенденции (это относится, разумеется, и ко всем другим республикам бывшего СССР). К тому же сложившаяся система финансирования и организации науки (большие государственные институты с постоянным штатом сотрудников, традиционная система найма, закрепляющая малоквалифицированные и не ориентированные на повышение квалификации кадры) препятствует эффективному проведению мероприятий по ее обновлению на государственном уровне. В то же время реальна угроза того, что через 3—4 года мы можем остаться вообще без фундаментальной науки (я имею в виду распад работающего научного сообщества) и с прикладной наукой, выродившейся до фирм коммерческих консультантов.

Все же, думается, выход из сложившейся ситуации есть. И для того чтобы он стал реальностью, нужна прежде всего разработка четкой прагматической программы, преследующей две основные цели. Во-первых, содействовать интеграции отечественной экономической науки в мировое научное сообщество; обновлению господствующих концепций и научных кадров; качественному улучшению информационной базы исследований; созданию инфраструктуры поддержки фундаментальной науки и закреплению отечественных кадров (предотвращение эмиграции). Во-вторых, эта программа должна способствовать созданию условий для формирования ядра качественно нового академического сообщества, которое характеризовалось бы мировым уровнем образования и «научного языка» и открытой по отношению к мировому научному сообществу конкурентной системой, вознаграждающей качество исследований.

Когда речь заходит об обновлении господствующих теоретических концепций, возникает вопрос о пределах их изменения. Можно выделить здесь три основных точки зрения.

Первая — *консервативная.* Главный ее аргумент — западная техника экономического анализа и западные концепции для исследования нашей экономики ничего дать не могут. Для сторонников этой точки зрения характерно слабое знакомство с мировой экономической теорией.

Вторая — *синтетическая.* Признавая банкротство советской политической экономии, сторонники этой позиции соглашаются с необходимостью коренного обновления теоретического аппарата за счет достижений мировой теории, но делают упор на параллельное заимствование из 2-х источников, к каковым они относят позитивные традиции российской и ранней советской экономической мысли, социологию, социальную философию, социальную психологию, с одной стороны, и историю (что подразумевает расширение предмета и метода экономической теории как таковой) — с другой. Представители данной точки зрения отличаются широким кругозором и гуманитарной культурой.

Существует по крайней мере один серьезный аргумент «за» эту позицию: современное состояние экономики советского типа едва ли может быть удачно описано на базе стандартных эконометрических моделей. В любом случае они должны быть расширены или пересмотрены. Кроме того, задача описания процесса перехода к рынку не соответствует задаче описания «классической» (ставшей уже достоянием истории) экономики советского типа (которая весьма успешно рассмотрена западными авторами от Х. Гроссмана до Я. Корнаи). Действительно, анализ переходного процесса в бывших социалистических странах во всей его сложности требует междисциплинарного синтеза существующих разработок в общественных науках.

Третью точку зрения можно было бы назвать *колониальной.* Для нее характерно нигилистическое отношение к советскому научному сообществу. «У ненормальной экономики была ненормальная наука; и то и другое лучше поскорее забыть»,— заявляют сторонники этой точки зрения. Выход видится в заимствовании теоретической парадигмы у западной науки, что предполагает длительный период «теоретического ученичества». Большая часть представителей этой группы — экономисты с хорошей математической базой. Многие из них задействованы сейчас в разработке государственной экономической политики как макроэкономические эксперты. Я полагаю, что единственная слабость их позиции заключается в их собственной недостаточной опоре на западную экономическую теорию во всей ее полноте.

Отводя первую позицию (по моему мнению, она продиктована беспомощностью в освоении новых подходов и не сможет пережить своих носителей), я хотел бы определить свое отношение к следующим двум.

Нет сомнения, что попытки создать принципиально новую теорию «специально для отечественной экономики» будут несостоятельны. Существует один класс явлений, описываемый экономической наукой, и в силу этого существуют одно «тело» экономической науки, ее предмет и обусловленные им теоретические концепции. Последние могут сильно различаться в трактовке одних и тех же явлений, использовать различные инструменты исследования и категориальный аппарат, полемизировать между собой и даже отвергать друг друга. Но тем не менее имеется некоторое единство на уровне предмета и метода экономической науки. По моему мнению, это единство обусловлено общими требованиями к квалификации экономиста-исследователя. Например, человек, отвергающий или концепцию «рациональных ожиданий», или принципы ортодоксального кейнсианства, или господствующую экономическую теорию в целом, будет серьезно воспринят коллегами только в том случае, если последние убеждены, что он предварительно хорошо ознакомился с отвергаемыми им взглядами. В противном случае его порыв будет списан на недостаток квалификации.

Определяя возможности концептуальной перестройки экономической теории в России, я хотел бы подчеркнуть, что сегодня еще рано планировать, каким образом и насколько она будет отличаться от современной западной науки. Нет сомнения, что абсорбирование концепций, наработанных западными коллегами, российским академическим сообществом (новым и—там, где это возможно—действующим), и их применение к неподатливой материи постсоветской экономической жизни приведут к некоему качественно новому состоянию экономической теории. Возможно, что при этом предмет и метод экономической науки будут расширены по сравнению с его традиционным для нас пониманием, в том числе и за счет заимствования у смежных наук. Возможно также (хотя и менее вероятно) возрождение утраченных национальных традиций [4]. Но эти изменения будут иметь значение для мирового, а не только для локального научного сообщества.

Сказанное означает, что фундаментальной предпосылкой возрождения отечественного академического экономического сообщества является освоение современной западной науки. Мы должны понять и постараться найти применение уже имеющимся разработкам, прежде чем создавать

[4] На деле теоретическое наследие «классиков» российской экономической теории конца XIX — начала XX века (М. Туган-Барановский, В. Дмитриев, П. Слуцкий, Н. Кондратьев, А. Чаянов и др.) сохранялось и изучалось в западном академическом сообществе, а не в каком-то «подполье» советской экономической науки. Поэтому задача использования теоретического наследия этих авторов отдельно от использования мирового (западного) теоретического наследия не стоит.

что-то новое. Однако переподготовка по традиционным западным программам экономистов не должна являться правилом для всех отечественных ученых. Для некоторых наших коллег переподготовка и специализация в качестве социологов, экономических историков, ученых-политиков и исследователей в общественной политике, производственных отношениях и социальной науке и управлении (последняя дисциплина пока у нас не существует) могут быть более плодотворными. Но в любом случае мы все нуждаемся в дополнительном образовании.

Для повышения уровня отечественной экономической культуры целесообразно решить следующие институциональные проблемы. Во-первых, обеспечить определенный уровень финансирования фундаментальной (а отчасти и прикладной) науки со стороны государства, муниципалитетов, предприятий, но ликвидировать существующую зависимость от государства и сломать неэффективные административные организации, каковыми являются существующие научно-исследовательские институты. Это означает переход на сложившуюся во всем мире систему организации науки, с одной стороны, в университетах, где процесс исследований взаимодействует с преподаванием и одновременно совершается отбор будущих исследователей, и с другой — в межуниверситетских исследовательских центрах, использующих временных работников на контрактной основе. Органическое соединение исследований с преподаванием есть более чем переход к естественной, самовоспроизводящейся форме существования академического сообщества. В наших условиях это главный путь изменения сложившейся ситуации: эффект от появления небольших групп экономистов, получивших образование на Западе, может быть мультиплицирован, если такие группы станут воспроизводить себе подобных путем преподавания.

Во-вторых, в финансировании научных исследований целесообразно использовать систему грантов. Однако неблагополучие в российском научном сообществе требует организации системы присуждения грантов на международной основе с непременным участием западных ученых. Важно также быть гарантированным от монополизации финансовых источников в руках отдельных заинтересованных групп нынешнего академического сообщества. Это требует обеспечения множественности источников финансирования науки, в первую очередь фундаментальной.

В-третьих, важным и желательным представляется создание международных исследовательских коллективов и центров. Совместная исследовательская работа способна за относительно короткие сроки поднять уровень теоретической экономической культуры в России и в других республиках бывшего СССР.

Важное место при этом, как представляется, отводится информационным проблемам. Ведь у нас должна быть создана качественно новая система экономической информации. Ее невозможно создать без поддержки международных экономических институтов. В этой связи целесообразно предусмотреть:

— создание системы экономического мониторинга и информационных сетей на основе электронной почты, которая связала бы все ведущие исследовательские центры бывших советских республик между собой и с западными центрами;

— поставку 10—20 малых типографий для отлаживания публикации и бесплатного распространения докладов и небольших монографий отечественных исследователей в короткие сроки тиражом 500—3000 экземпляров. Эта мера позволила бы снять «информационный тромб» в научном сообществе и обеспечила бы быстрое распространение новых идей и результатов эмпирических исследований;

— издание международных научных журналов; финансовую поддержку

перевода и издания в СССР основных произведений мировой экономической и социальной науки;

— создание при ведущих институтах крупных специализированных библиотек — информационных центров на базе мировой экономической литературы и статистики.

Конечно, теоретическая экономическая культура может быть обновлена в достаточно короткие сроки лишь при условии коренного обновления состава научного сообщества. Поскольку речь идет о 1,5—2 тыс. человек, в качестве критической массы исследователей, мыслящих на уровне современной западной науки и на этой базе способных решать наши проблемы, можно рассматривать лишь 300—500 человек. Такое количество исследователей вполне возможно подготовить на Западе в течение максимум трех-четырех лет. Задача, однако, состоит в том, чтобы эти люди захотели вернуться и работать на родине и остались бы в науке (или преподавании), а не ушли в иные структуры. Другими словами, речь должна идти о создании в науке минимально необходимых условий для закрепления кадров. Поэтому наряду с важностью перехода к системе грантов совершенно необходимо обеспечить со стороны государства достаточный уровень базовой зарплаты в экономической науке.

Важным дополнительным условием может быть организация сети международных исследовательских проектов, которая позволяла бы отечественным участникам зарабатывать валюту, не покидая пределов своей страны. Приемлема также система научных стажировок, встроенная в финансирование проектов в России. Приоритет должен отдаваться целевым исследовательским стажировкам на короткие сроки. Это предотвратит отрыв стажеров от отечественной научной среды, позволит закреплять кадры в стране.

Естественно, дело изменения теоретической экономической культуры не может ограничиваться переподготовкой на Западе или расширением международных контактов. Не менее важно срочное совершенствование существующей у нас системы экономического образования. Стандартная учебная программа для студентов-экономистов традиционно включала у нас подробное изучение «Капитала» Маркса и нескольких разделов позднейшей марксистской политической экономии (империализм и социализм). Практически отсутствует историко-экономическая подготовка: преподавание истории экономической мысли и экономической истории имеет формальный характер. В преподавании почти не применяются микро- и макроэкономические модели, студенты не учатся использовать экономическую информацию [5].

В последние год-два в ряде вузов предприняты попытки резко перестроить образование студентов-экономистов, заменив традиционную политическую экономию на западную экономическую теорию *(economics)*. Но в основном они не имели успеха. По-моему, это произошло по нескольким причинам: большинство преподавателей сами плохо разбираются в западной экономической теории; преподаются неадаптированные или слабоадаптированные курсы *economics* (как правило, источником является учебник П. Самуэльсона и В. Нордхауза); у студентов нет возможности самостоятельно ознакомиться с учебной литературой из-за отсутствия переведенных учебников.

Преподавание же прикладной экономики имеет нормативный характер. Отрицательная особенность существующих курсов — методологическая узость, сведение предмета к описанию существующего хозяйственного

[5] Исключением является подготовка студентов по специальностям «экономическая кибернетика» (эконометрика) и «планирование народного хозяйства» в ведущих экономических вузах Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска,

механизма без какой-либо попытки определить сравнительную эффективность его форм и институтов. В последнем легко убедиться, раскрыв любой учебник, например «Экономика промышленности» или «Финансы и кредит». Студенты вынуждены заучивать существующие формы хозяйственного механизма (включая установленную отчетность предприятий, основные технико-экономические показатели и т. п.). Поскольку же существующие учебные пособия отстают от действительности как минимум на два-три года, фактически преподаются вчерашние, переставшие действовать или бесперспективные нормативы. Мало внимания уделяется динамическим аспектам развития производства, конкретному соотношению его факторов и разбору типичных случаев. Студентам практически не преподаются теория и практика принятия управленческих решений.

У нашей системы образования есть еще одна особенность. В старших классах средней школы, в техникумах и высшей школе идет преподавание единственного экономического предмета — «политической экономии», представляющей схоластический марксистский вариант экономической теории. Такие курсы традиционно носили идеологический характер. Соответствующим образом были сформированы и преподавательские кадры: значительную их долю (особенно в техникумах) составляют лица без специального экономического образования, например отставные армейские политработники. Выпускники университетов, попадая на кафедры политической экономии, не имеют возможности заниматься научными исследованиями.

В последние годы стало ясно, что «политическая экономия» умерла. Однако существующий преподавательский корпус даже при условии полной смены идеологических пристрастий способен только повторять господствующие лозунги. Но студенты нуждаются не в заверениях о преимуществах рынка и частной собственности: им должны быть предложены знания, имеющие инструментальное значение. Такие знания наличный преподавательский корпус в большинстве своем предоставить им просто не способен. В результате общее экономическое образование у нас в стране фактически отсутствует даже в высшей школе, а тем более в техникумах и средней школе.

В общем экономическом образовании сегодня законсервированы наиболее слабые и догматически мыслящие кадры специалистов. Поэтому его перестройка отстает от перестройки науки, как минимум, на два-четыре года, что в нынешних условиях означает почти вечность. Система экономического образования продолжает воспроизводить кадры, не приспособленные к работе в условиях рыночной экономики, вместо того чтобы опережать развитие реформы в других сферах жизни.

Что же сделать, чтобы переломить ситуацию? По-моему, прежде всего необходимо создать ядро качественно нового преподавания на основе мировой экономической науки (4—5 научно-учебных центров на базе существующих исследовательских институтов и университетов). Например, было бы возможным и целесообразным создание на базе Отделения экономики РАН в Москве Высшего экономического института (колледжа) для подготовки магистров экономики с широким участием западных профессоров в преподавании. Его специализацией могла бы стать общая экономическая теория. Наряду с этим необходимо создать несколько центров по прикладной экономической науке. Важно обеспечить наличие нескольких новых центров по каждому направлению, чтобы предотвратить складывание монополии.

Отличительной особенностью подобных центров стал бы качественно новый состав преподавателей. Это должны быть молодые люди, входящие в оба (российское и западное) академические сообщества и ведущие

собственные исследования в рамках международных проектов. Важно, чтобы такие центры в первую очередь готовили студентов-экономистов. Таким образом, обеспечивалось бы быстрое «размножение» нового академического сообщества.

Для обеспечения высокого научного и методического уровня преподавания в каждом из новых научно-учебных центров целесообразно организовать учебный процесс на основе тесной кооперации с одним-двумя ведущими западными университетами. Это могло бы способствовать непосредственному участию западных ученых в планировании учебного процесса, в составлении программ, в преподавании и оценке знаний учащихся. Устойчивая связь с ведущими западными университетами должна выражаться также в признании (или гарантировании) на Западе дипломов и ученых степеней, присуждаемых новыми отечественными структурами.

Параллельно необходимо создавать методическую основу для перестройки экономического образования в целом. Данное направление включает:

— разработку оригинальных учебных курсов и их экспериментальную апробацию. Специальной проблемой является то, что для наших студентов не подходит ни один из известных западных учебников экономики. В них рассматривается функционирование полностью сложившейся и отлаженной рыночной системы, которой у нас, как известно, нет. Отечественная экономика очень специфична, что связано с господством государственной собственности и сложившимися на этой базе мотивациями и типом экономического поведения. Даже ориентация на рынок не меняет выработанный за многие годы стиль поведения экономических агентов.

По существу, создание учебных курсов представляет собой теоретическое обобщение уже имеющихся разработок как российских, так и западных экономистов, пытающихся отразить нынешнюю ситуацию и перспективы рыночной реформы в стране в понятиях и терминах мировой экономической науки. Помимо этого, необходимо решить сложные методические проблемы адаптации лучших учебных курсов микро-, макро- и институциональной экономики к конкретным условиям нашей аудитории. Подъему общей теоретической экономической культуры, без сомнения, будет способствовать публикация значительными тиражами в русском переводе основных западных учебников экономической теории и прикладной экономики и методических пособий. Такая работа уже началась. Но возможность свободного использования этих книг в образовании и самообразовании будет обеспечена только при субсидировании их издания и низкой розничной цены со стороны государства или специальных образовательных фондов. При этом очень важно не забыть о поддержке библиотек высших и средних специальных учебных заведений.

Следует помнить, что воздействие на экономическую культуру вполне успешно может сочетаться с целью получения прибыли. Примерами возможных сфер деятельности частных фирм в данной области могут быть распространение коммерческой информации, экономический консалтинг и мониторинг, переподготовка менеджеров и экономистов по заказам фирм. Важно, однако, сохранять и в этих сферах присутствие некоммерческих (государственных и благотворительных) структур на достаточно весомом уровне.

* * *

В настоящее время межгосударственные и международные программы технико-консультативной помощи начинают реализовываться многими международными экономическими организациями, включая Комиссию ЕС,

а также правительствами отдельных государств. Важно, чтобы одной из целей этих программ стала работа по подъему теоретической экономической культуры в нашей стране.

Можно сформулировать как специальную задачу положение о том, что проекты в рамках международного сотрудничества должны работать на закрепление квалифицированных и рыночно ориентированных кадров в отечественной экономике, в системе образования и науки, а не способствовать их оттоку на Запад. Обескровливание России в перспективе может привести к срыву реформ из-за нехватки человеческого капитала, что в конечном счете перевесит сиюминутные выгоды от импорта умов. Если предоставить процессу развиваться своим чередом, он способен привести внутри страны к ситуации, когда местная интеллигенция окажется состоящей из озлобленных неудачников, недостаточно квалифицированных, чтобы уехать на Запад. «Мозги второго сорта» всегда были благоприятной питательной средой для шовинистических движений. В наших условиях это слишком большой риск.

© Я. Кузьминов, 1993